

Слова замерли... Раздался резкий, пронзительный крик, прорезавший тишину двора у подножия горы.

Цянь-ши вытаращила свои похожие на рыбы глаза и, мертвенно-бледная, в панике осела на землю. Она во все глаза смотрела на снег, где чернело нечто пугающее.

Это была прядь её собственных волос, срезанная пролетевшим мимо предметом. А чуть поодаль, вонзившись в сугроб, хищно поблескивала лезвием... обычная кухонная сечка.

Вэй Цю небрежно отряхнул ладони. Навыки не пропьешь — в прошлой жизни он иногда заглядывал в «комнаты ярости», чтобы пошвырять ножи и побить бутылки, так что глаз остался метким. В глубине его зрачков мелькнуло безумное торжество.

Эмоции, копившиеся внутри, на мгновение вырвались из-под контроля. Как бы он ни старался казаться мягким и сдержанным, глубоко в душе он оставался вспыльчивым и непредсказуемым.

— Ой... прошу прощения! Напугал? Что же теперь делать? — Вэй Цю мгновенно подавил гнев и вернул себе привычное застенчивое выражение лица, заговорив тихим, кротким голосом.

— Ты... ты... да ты сумасшедший! — Цянь-ши в ужасе смотрела на него.

Вэй Цю, который секунду назад был безумцем, а сейчас снова стал нежным юношей, казался ей страшнее выходца из преисподней.

Сейчас ей хотелось только одного — бежать. Она вспомнила того Вэй Цю, которого когда-то безнаказанно третировала, и сравнила его с этим «одержимым». Собрав остатки храбрости, она попыталась что-то выкрикнуть, но наткнулась на ледяной взгляд Вэй Цю.

Он смотрел на неё, как ядовитая змея, затаившаяся в тени. Казалось, стоит ей сказать хоть слово не в тот тон, и он тут же пустит ей кровь прямо здесь.

Несмотря на лютый мороз, у Цянь-ши по спине заструился холодный пот.

— Я... я тебе вот что скажу! Если ты хоть пальцем меня тронешь, семья Чэн тебе этого не спустит!

— Семья Чэн? — Вэй Цю рассмеялся, будто услышал лучшую шутку в жизни. — Семья Чэн настолько обмельчала, что посылает женщину разгребать дела? И ты серьезно надеешься на их защиту?

— Ты... — Цянь-ши поднялась с земли, продолжая упрямо качать права. — Не будь таким заносчивым! Думаешь, разделили хозяйство — и всё, избавились от нас? Мечтай! — Она отряхнулась и закричала: — Не забывай, в жилах Чэн Шинаня течет кровь нашей семьи, и от этого ему до конца дней не отмыться!

— Раз так, то выкладывай, зачем вы сегодня всё это затеяли... — Вэй Цю нетерпеливо поправил рукав.

Решив, что Вэй Цю испугался, Цянь-ши самодовольно принялась поправлять растрепанные волосы, что выглядело крайне нелепо.

— Я слышала, вы недавно наторговали дичью, да еще и твои мясные блюда в городе влет

уходят. Не скажу, что мы хотим вас притеснить... Но старушка Чэн в последнее время занемогла. Разве для младшего поколения зазорно оплатить лечение бабушке?

Вэй Цю понимающе кивнул и «смирненно» уточнил: — Хм... И сколько же нужно?

У Цянь-ши глаза алчно заблестели. Она же говорила! Этот никчемный гэр всё такой же трус. Куда ему против неё? То, что было минуту назад — просто дешевое запугивание.

Она приободрилась и затараторила: — Чэн Шидуна больше нет, так что Шинань теперь — старший сын! Раз под Новый год заработали денег, нужно почтить старших и помочь двум младшим братьям. И рецепты свои тоже отдай! Мы — одна семья, так что рецепты должны храниться у старших. Вы еще молоды, вас обмануть — раз плюнуть, а мы присмотрим.

Цянь-ши знала, что Вэй Цю учил деревенских, и в душе кипела от злости, что эти рецепты достались «чужакам», а не ей.

Вэй Цю сохранял спокойствие: — Договорила?

— А еще, раз уж живете отдельно, не обязательно к старухе и отцу каждый день бегать. Просто присылайте по одному лянну серебра ежемесячно... нет, лучше по два! Это будет ваш сыновний долг.

Цянь-ши говорила так, будто делает им одолжение. Раньше Шидун привозил деньги не каждый месяц, но это были крупные суммы, на которые обычная семья могла безбедно жить целый год. Но семья Чэн проматывала всё за месяц-другой. Будь они побережливее, давно бы сколотили состояние, а не метались бы сейчас в поисках сотни лянов.

Вэй Цю надоело слушать это словоблудие.

— Просто назови общую сумму.

Цянь-ши и сама точно не знала, сколько у них денег, но, прикинув свои нужды, выпалила: — Пятьдесят лянов!

Даже если им придется отдать тридцать пять за долги, оставшихся пятнадцати хватит их семье на роскошный праздник.

— И не говори, что мы много просим. Я же вижу, что вы живете куда богаче нашего! — Она с ненавистью оглядела добротный домик под черепицей. Вообще-то этот родовой дом должен был принадлежать ей.

Вэй Цю спокойно кивнул: — Хорошо. Значит, вы считаете, что наша жизнь лучше вашей?

— А разве нет? — высокомерно фыркнула Цянь-ши. — Вы вон какие румяные да сытые, а у нас в доме из пяти человек даже печь растопить нечем!

— Ладно! Раз у вас в доме такие трудности, я вам помогу. Ведь вы должны оказаться в точно таком же положении, в каком были мы когда-то.

Вэй Цю молча подошел и поднял с земли ту самую сечку. Цянь-ши в страхе отпрянула. Но Вэй Цю проигнорировал её: он убрал нож на место, запер калитку, взвалил на плечо мотыгу и зашагал в сторону деревни.

Цянь-ши почуяла неладное, но не могла понять, что именно. Глядя на удаляющегося Вэй Цю,

она крикнула:

— А ну стой! Ты что задумал?

Она бросилась за ним, пытаясь схватить за одежду. Тело Вэй Цю было слабым, но он привык бить первым! Увидев тянущуюся руку, он с брезгливостью оттолкнул её.

Цянь-ши взвизгнула, пошатнулась и рыбкой нырнула в придорожную канаву, заваленную глубоким снегом! Пока она барахталась, пытаясь выбраться, Вэй Цю, не оборачиваясь, скрылся из виду.

Тем временем в доме Чэн: — Что-то мать долго не возвращается, — Яоцзу нервно мерил комнату шагами.

— Кто её знает... — огрызнулся Гуанцзун.

До приезда коллекторов осталось два дня, и он был на взводе.

— Хватит маячить! Хочешь знать — сходи да посмотри.

— Чего ты орешь? Я, между прочим, из-за твоих дел с утра пораньше выслушивал гадости! — огрызнулся в ответ Яоцзу.

— Ах так? Если бы ты раньше не пускал пыль в глаза своим однокашникам, вечно приглашая их на обеды за мой счет, я бы не влез в такие долги!

— На меня валишь? Я тебя воровать не просил! И не ври, что всё на меня тратил — мои обеды на сто лянов не тянут...

Братья орали друг на друга, багровея от ярости.

— Ой, да ладно вам! Успокойтесь оба, — из комнаты вышла старуха Чэн, пытаясь их урезонить.

Чэн Пингуй лежал в своей комнате, делая вид, что ничего не слышит. Проклятье... Пару дней назад они с Цянь-ши так подрались из-за её заначек, что она ему всё лицо расцарапала. Слушая крики своих когда-то любимых сыновей, он чувствовал лишь горечь. В этом доме не было ни дня покоя.

БАМ! БАМ! БАМ! БАМ!

Раздались оглушительные удары. Кто-то снаружи буквально выламывал ворота дома Чэн!

Обитатели дома подпрыгнули на месте. Решив, что это пришли вышибалы из города, они забились по углам, боясь дышать. Удары продолжались, и наконец ворота с треском вылетели — створка отлетела на добрых пару метров.

— Бабушка, спаси! Это они! Они пришли! — Гуанцзун окончательно потерял самообладание от ужаса.

Старуха Чэн крепко прижала его к себе, дрожа всем телом: — Ничего... среди бела дня они не посмеют!

Яоцзу тоже побледнел. Сейчас он ненавидел Гуанцзуна больше всего на свете — этот позор погубит его репутацию, как он потом будет учиться?

Они боялись даже нос высунуть во двор, откуда доносились звуки крушения и грохот.

Вспомнив об имуществе во дворе, старуха Чэн, скрепя сердце, оттолкнула внука: — Пойду посмотрю, чего им надо!

Гуанцзун остался дрожать внутри.

Через мгновение он услышал вопль старухи: — А-а-а! Проклятая дрянь! Это ты!

Старуха Чэн в шоке смотрела на разоренный двор. Вэй Цю, опершись на мотыгу, с видимым удовольствием наблюдал за её перекошенным лицом.

— Слышал я, ваша семья настолько обнищала, что и печь разжечь нечем. Тут одна тетушка к нам заходила... мало того что потребовала пятьдесят лянов на ваше содержание... так еще и рецепты ей подавай, да еще по два ляна ежемесячно сверх того!

— Решил вот зайти проверить — ведь мы в одной деревне живем. Если вам и правда есть нечего, я бы и бродячей собаке кость кинул, а уж человеку и подавно... — Вэй Цю нежно улыбался, сама самоотверженность.

Лицо старухи Чэн исказилось. Она всегда считала себя выше других, а тут её сравнили с бездомным псом!

— Что ты за навоз несешь! Порочишь старших — грозы не боишься?

Вэй Цю с сожалением покачал головой: — Простите, что разочарую вас, но я — совершенно не боюсь.

— Вэй Цю! Ах ты, дрянь! Ты с ума сошел — в наш дом с погромом врываться! — выскочил Гуанцзун, поняв, что это не коллекторы.

Вспомнив, как он только что трусил, он разозлился еще сильнее и готов был растерзать Вэй Цю. Яоцзу, увидев гостя, лишь ядовито усмехнулся и встал подле старухи, готовый в любой момент подлить масла в огонь.

Деревенские, услышав грохот, сначала затаились, но, поняв, что шум идет от Чэнов, стали прислушиваться. А когда выяснилось, что это Вэй Цю пришел к ним «с визитом», деревня вскипела!

— Скорее! Скорее! — кричали люди. — Зовите старосту и ричжэна (главу общины)! Эти бесстыжие Чэны чего доброго обидят нашего Цю-гэ ра!

Вспоминая хрупкий вид Вэй Цю, жители прибавили шагу, боясь, что бедняжку там просто задавят...